

Н.В. Савельев-Ростиславич

Славянский сборник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н.В. Савельев-Ростиславич**
Славянский сборник / Н.В. Савельев-Ростиславич – М.: Книга по Требованию,
2014. – 550 с.

ISBN 978-5-458-01475-5

Славянский сборник

ISBN 978-5-458-01475-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Non ex vulgi opinione, sed iustice rationis sanse.
Bacon.

«Не по общему мнѣнію, но по здравому разуму»
Бэконъ.

Украшенный двойнымъ вѣнцомъ, славы и страданій, краснорѣчивый слѣпецъ, котораго по справедливости гонятъ новѣйшая историческая школа Франціи, Тьерри, высказавъ литературнымъ своимъ убѣжденіемъ, въ Предисловіи къ *Dix ans d'études historiques*, такъ замѣтилъ изображеніе своихъ идей и трудовъ историческихъ: «il y a au monde quelque chose qui vaut mieux que les jouissances matérielles, mieux que la fortune, mieux que la santé elle-même, c'est le *dévouement à la science.*»

Да! любовь къ знанію, преданность наукѣ, можетъ заставить забыть многое, всё обольщенія юности, всё вѣгды жизни промышленно-общественной, особенно, когда предметомъ вашихъ занятій будетъ родина, цѣлью вашихъ трудовъ — возстановленіе передъ потомствомъ славы вашихъ подвиговъ предковъ, блестящихъ дѣлъ, умственно прикрытыхъ завистію чужеземцевъ...

Великій преобразователь Россіи, бессмертный Петръ понималъ необходимость союза между *эмоціей* и *народомъ истины*: питая благоговѣніе къ отечественной Исторіи, онъ радовался, найдя Кенигсбергскій списокъ Несторовой Лѣтописи, и первый возмнилъ мысль о собраніи и напечатаніи древнихъ нашихъ лѣтописей и грамматъ; задумывая объ Академіи, онъ приглашалъ къ намъ ученыхъ иностранцевъ, но при каждомъ иностранцѣ велѣлъ быть *друзьямъ Русскимъ*, которые могли бы въ послѣдствіи быть разсадниками наукъ въ отечествѣ. Между тѣмъ, забывая о

Россіи, Петръ не забывалъ и нашихъ Славянскихъ братьевъ. Великая мысль Все-Славянства, въ новомъ мірѣ Россіи, принадлежить—какъ справедливо замѣтилъ С. П. Шевыревъ—Петру Великому: Государь-геній, онъ первый постигъ важность *родственного* отношенія между нами и другими племенами Славянскими. Во второй половинѣ своего царствованія онъ выражаетъ къ нимъ глубокое сочувствіе: въ манифестѣ войны 1711 года противъ Турокъ обнаруживаетъ желаніе помочь нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, которые стесняются подъ игомъ Турецкимъ, Грекамъ, Волохамъ, *Болгарами, Сербамъ*; въ томъ же году входитъ въ сношенія съ Черногорскимъ митрополитомъ Даниломъ, а въ 1715 году оказываетъ ему Царское гостепримство и отправляетъ съ нимъ дружественную грамоту къ *Черногорскимъ Сербамъ* (1716); въ 1720-мъ году пишетъ къ Рагузинскому въ Прагу, поручая нанять ему для театра людей умѣющихъ по-Словенски или по-Чешски; въ 1722 г. посылаетъ къ Сербамъ церковную утварь, Богослужебныя книги, учителей для языка Славянскаго и Датискаго, а въ 1723 году приглашаетъ Сербовъ поселиться на Русской правнцѣ, выразивъ ту замѣчательную мысль, что они конечно будутъ вѣрно служить Государю единовѣрному и единоплеменному (*). Такимъ образомъ, согрѣвая себя мыслію Все-Славянства, Петръ Великій постигъ важность Истории озаренной патріотизмомъ; жала вобновить передъ глазами обновленнаго славяно народа *древнюю славу* могущаго племени Славянскаго, безсмертный Преобразователь велѣлъ перевести съ Итальянскаго сочиненіе Мавроурбина, которое представляло довольно полную и — не смотря на младенчество тогдашней исторической критики—довольно вѣрную картину прошедшаго бытія Славянъ. Въ 1722 году явилась наконецъ «Книга Исторіографіи початія имени, славы и расширенія народа *Славянскаго*, и ихъ царей и владѣтелей *подъ многими именами*, и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ историческѣхъ, чрезъ господина Мавроурбина, Архимандрита Рагузинскаго. Переведена со Итальянскаго на Россійскомъ языкѣ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣ-

(*) Москвитинъ (1844), № 10, въ статьѣ «Академическія бесѣды въ 135 вѣстахъ отъ Москвы», рѣчь С. П. Шевырева, стр. 346 — 352, также въ «Сказъ Отечества» (1838 г.) статьѣ Маклаковича о Черногоріи, т. VI, отд. III, стр. 65—72.

мія Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, и прочая, и пр. и пр. въ Санктъштербургской Типографіи, 1722 году, Августа въ 20 день». И на первой же страницѣ Введенія, современники великаго Преобразователя читали: «Никако же удивительно есть, что слава народа Славянскаго, вынѣ не такъ ясна, какъ оноу дошло разславитіся по вселеннѣй. Ежели бы сен народъ, такъ достаточенѣ былъ людьми *ученными и книжными*, какъ былъ доволенѣ *временными* и превосходительными оружіемъ, тобъ ни единый другой народъ во вселеннѣи былъ въ привѣрь имени Славянскому. А что прочіе народы, которые *злыо книжице* его, вынѣ *велики* себя *прославляютъ*, то не ради чего иного, токмо чрезъ бывшихъ въ ихъ народѣ людей ученыхъ».

Путь прямой былъ указанъ—по нёмъ не пошла.

Къ несчастію, первые наши «люди ученые и книжные» были не-Русскіе, не-Славяне: могли-ль они сочувствовать патриотическимъ намѣреніямъ Петра Великаго?

Великій Преобразователь Россіи уважалъ тѣхъ благородныхъ иноплемениковъ, которые съ усердіемъ посвящали свои труды Россіи, отрицались прежней народности и по *духу* становились истинно-Русскими; но видѣлъ онъ также и многихъ своскорыстниковъ, думавшихъ единственно о личныхъ выгодахъ. Очистить Россію отъ этихъ пласель, возросшихъ вмѣстѣ съ пшеницею, сдѣлалось любимомо мыслію Петра Великаго. Изъ донесенія Кампредона Французскому Двору (отъ 30-го Января 1722 года) мы узнаемъ, что «Петръ Великій повелѣлъ всѣмъ дворянамъ явиться въ Петербургъ—подъ опасеніемъ конфискаціи имѣнія неявившихся, и лишенія благороднаго званія. Цѣль сего указа: узнать способныхъ на службу дворянъ и *замѣнить ими иностранцевъ*, коихъ Петръ хочетъ скорѣ уволить отъ службы и отослать». (2)

Но Великій умеръ—и мысль его осталась безъ исполненія.

Люди, къ которымъ онъ питалъ глубочайшее презрѣніе, размножились. Въ благодарность Россіи, которая кормила ихъ и поила, они подарили Бироновщину (1730 ей—1740), тяготѣющую надъ нами отечествомъ до счастливаго воцаренія.

(2) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1845), ч. XXXVII отд. II: *Обзорніе извѣстій о Россіи отъ Петра Великаго*, замечаньяхъ А. И. Тургеневыхъ изъ разныхъ актовъ и доисесій Французскихъ Посланниковъ и Агентовъ при Русскомъ Дворѣ. Слѣдъ II, стр. 169.

рени дочери Петровой; противъ Елизаветы, очистившей Русь отъ иноплемениковъ и подготовившей намъ възкъ Императрицы Великой. Въ этотъ несчастный для Россіи періодъ господствованія Вирона, въ угодность сильнымъ преобладающимъ-иноземцамъ, явилась и система Скандинавскаго происхожденія Руси. Угрожаемые намъ реніемъ Петра Великаго, но жалкія разстаться съ гостеприимною Россією, чужеземцы осуществили планъ — присвоить себѣ воспитаніе Русскаго юношества и съ самаго дѣтства внушать ему ту мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ а чужеземцамъ, что имъ собственно (а не намъ) принадлежитъ во всемъ первенство, и что даже первое сѣмя государственной жизни брошено у насъ чужеземцами.

Современникомъ Великому Преобразователю Россіи явился человекъ знаменитый на литературномъ поприщѣ, безсмертный рыбакъ Колмогорскій, который гениемъ своимъ въ Естествознаніи проникъ въ истины, раскрытыя только въ наше время соединенными усилиями Европейскихъ ученыхъ ⁽³⁾; котораго славный Эйлеръ равнялъ съ величайшими гениями ⁽⁴⁾; которому справедливо удивлялись лишь Стокгольмская и Боловская Академію, почтившіе его званіемъ Члена; который преобразованиемъ Русскаго языка заслужилъ имя Отца нашей Словесности; и котораго заслуги не оценены только на Историческомъ поприщѣ... Рожденный въ сѣвѣгахъ сѣвера (1711), Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ провелъ всю жизнь въ борьбѣ съ судьбою и съ ненавистниками Россіянъ: «за то терпѣю», писалъ онъ въ памятной для себя запискѣ, «что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выходя-

(3) Малкъ (1845, Январь) томъ VII, глава III, статья Д. М. Перевощакова «Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія о являющихся воздушныхъ», стр. 53—67.

(4) Вотъ что писалъ о трудахъ Ломоносова Эйлера: *Toutes ses piéces sont non seulement bonnes, mais très excellentes, car il traite les matiéres de la physique et de la chimie, les plus interessantes, et qui sont tant à fait inconues et inexplicables, aux plus grands genies avec tant de solidité que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à monsieur Lomonosoff qu'il possède le plus heureux genie pour decouvrir les phénomènes de la physique et de chimie; et il seroit à souhaiter que toutes les autres académies fussent en état de produire des decouvertes semblables à celle que monsieur Lomonosoff, vient de faire.* (Очерки Россіи, изд. Владиміемъ Пасоковымъ, кн. II, статья А. О. Вельтмана «Портреты сужебной деятельности Ломоносова», стр. 6).

лись *Россіи*, чтобъ показали свое *достоинство*, — да какъ бы чувствуя приближеніе кончины, прибавляя «я не тужу о смерти — пожилъ, поторпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣла отечества пожалѣють» (5); а передъ кончиною (4 Апр. 1765 г) говорилъ своему другу, Штелину: «за смерть взираю равнодушно; сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить начатаго для пользы Отчества, для славы наукъ и для чести Академіи. Вѣжу теперь, что мои благія намъренія исчезнуть вѣстятъ со мною» (6).

Къ Ломоносову можно вполне применить сказанное Французскимъ историкомъ Мишлѣ о трудахъ славнаго Вилкэ «его открытія не были оценены широкимъ вкусомъ потому, что они относились къ нашему вкусу». Современники рѣдко бывають благодарны къ человеку, превышающему свой вкусъ, особенно жь, когда тутъ вмѣшается зависть... Ломоносовъ, благоговѣя къ памяти бессмертнаго Преобразователя Россіи, высоко цѣнилъ народность, и записалъ дѣло Петра Великаго «чтобъ выучилась Россія», потому долженъ были ежедневно выдерживать нападенія его раздражали, выводили изъ терпѣнія, ему во всемъ препятствовали — не только чужеземцы, но даже свои, Русскіе поклонники иностранцевъ. Года за три или за четыре передъ кончиною, Ломоносовъ благородно раскрылъ свою душу въ письмѣ къ Теплову (1761) и откровенно объяснилъ причину медленнаго развитія наукъ въ Россіи и жалкаго состоянія нашей Академіи. Упомянувъ, что уже неоднократно представлялъ, словесно и письменко, о исправленіи застарѣлыхъ порядковъ, Ломоносовъ говоритъ: «однако, мѣтло мъртъ Монаршей къ наукамъ щедроты, воспослѣдствалъ рвненія и успѣха, затѣмъ, что не отнято *прежнесамоустройство* недоброхотамъ приращенію наукъ въ Россіи». Нѣкогда, отговариваясь учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писалъ вы къ нему: *L'Académie sans académiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède. Кто же въ томъ виноваты, кромѣ васъ и вашего неостолбства?* Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Таубергу, Миллеру и, что удивительно, мнѣ. Въ томъ болѣе вы слѣдовали

(5) Очеркъ Россіи, кн. II, стр. 40.

(6) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, ч. III, біографія Ломоносова, стр. 197.

стремленію своей страсти, нежели общей Академической пользы, и чрезъ таковыя *последствія перемѣны* колебали какъ трость все Академическое зданіе: тотъ оступилъ въ чести и въ милости, завтра въ позоръ и упадкъ; тотъ, кто высланъ съ безчестіемъ, съ честию назадъ призванъ.... Еще есть вамъ время обратиться на *правую* сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и *добрыя* о пользѣ *Россійскихъ* наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять *недоброхотовъ Россійскихъ ученыхъ*. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я свѣдѣю ничего иного не пишу, какъ только, чтобъ *закоренное несчастье Академіи* пресѣлось. Будежъ еще такъ все останется, и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одолженія дѣлали: за нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно, по моей возможности. *За общую пользу*, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и *противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не стало*. И такъ нынѣ изберите любое: или одобряйте явныхъ *недоброхотовъ* не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги; одобряйте, чтобъ Академія чрезъ *ихъ противоборство* никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и *роптаній* и *презрѣній*; — или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте льщенія опасныхъ *противоборниковъ наукъ Россійскихъ*, не употребляйте *Божія дѣла* для своихъ *пристрастій*, дайте возрастать свободно *насажденію Петра Великаго*. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу... Что до меня надлежитъ, то я къ сему себя *посвятилъ*, чтобъ *до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться*, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину» (?).

Голосъ челоуѣка благороднаго, возставшаго на защиту *народности*, не нашель отъянка между современниками: они увлечены были *пристрастіемъ* къ направленію исключительно западному. Не таковъ былъ Ломоносовъ. Онъ постигалъ великое назначеніе Россіи; хотѣлъ, чтобы ея умствена-

(?) Очерки Россіи, кн. II, стр. 58 — 59.

ное возрастание было свободно отъ несвойственныхъ ей прививокъ, запечатлено народнымъ духомъ, проникнуто народнымъ характеромъ. Кичливые возгласы иноземцевъ о собственномъ достоинствѣ, неуваженіе къ имени Русскому и извѣріе ихъ въ способности Русскихъ, наполняли негодоваемъ пылкую душу патриота-ученаго, душевно преданнаго.

Отечеству.—Россіи предстояло гениемъ Ломоносова опередить Европу, въ половинѣ XVIII вѣка утвердить тѣ открытія, которыя составили славу нѣсколькихъ ученыхъ Естественныхъ испытателей конца XVIII и начала XIX вѣка: заветники гения не допустили Россію обнаружить самостоятельность возрѣнія на Естествознание. Россія могла бы за полвѣка до Карамзина имѣть свою Исторію, произведеніе если не равное творенію славнаго Исторіографа, по крайней мѣрѣ несравненно лучшее всего того, что предшествовало «Исторіи Государства Россійскаго»: не доброжелательство враговъ Русскаго гения лишило его средствъ совершить полезный трудъ. Кто же были эти враги Русскаго гения? Иноземные гости и даже (стыдно сказать) свои соотечественники (°). «Намъ Русскимъ», писалъ Артемій Петровичъ Вольинской князю Урусову, «не надобень хлѣбъ мы другъ друга ѣдимъ, и съ-того сыты бываемъ» (°). Пользуясь такимъ несогласіемъ, чужеземцы-ученые рѣшились возвышать только тѣхъ, кто былъ ниже ихъ, не могъ бы затмить ихъ; давали ходъ только такимъ людямъ, какъ знаменитый

(°) Въ 1754 году Ломоносовъ просилъ Шувалова о переводѣ изъ Академіи въ Иностранную Коллегію, *зды не мнѣе мнѣ бы оне пріятье полззъ и чести Отчеству*. Въ 1759 году онъ писалъ къ нему же: «мои манускрипты могутъ вамъ больше служить, нежели самъ я, не имѣя отъ мнѣе недоброжелателей попомъ. Въ «Трудолюбивой» такъ называемой «Пчелѣ» начертано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того, Тредьяковскій, совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злобою, чтобы мнѣму реченію сдѣлать пожелательство. Здѣсь можно видѣть цѣлый запасъ злобы: Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Тредьяковскій далъ напечатать безъ моего уведомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По оныхъ обстоятельствахъ яшо видѣть Ваше Превосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ попомъ, не представляя погрѣшковъ мою часть и благоволеніе три еликози случалъ. Умилосердитель надо много, Милостивый Государь, свободите мнѣя отъ тяжкихъ нападковъ, которые, мнѣя оворалъ, не дають мнѣя пропитаться далне въ полезныхъ и славныхъ моему отчеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мнѣнія» и проч.

(°) Энциклопедическій Лексиконъ, т. XI, въ статьѣ Вольинскій, стр. 464. Сравните мнѣніе Панина о Вольскомъ въ Запискахъ С. А. Порошина, с. 74, 75.

Профессоръ Эдвендінъ, преданный авторъ: Тилсмакиды, Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, тѣнь ученой бездарности, мотовляго трудолюбія, мертвого подражанія, равнодушія къ высокимъ началамъ нравственно-политической любви къ отечеству и народности (1°). Такіе люди *тремя*

(1°) Петръ Великій ударилъ Тредьяковского по лбу и сказалъ: «зачный труженникъ!» Предсказаніе было вѣрно... Впрочемъ это бы еще не бѣда, если бы Тредьяковскій по крайней мѣрѣ сохранилъ благородство характера, а тѣ его нравѣ чуждыми и неудобными Русскимъ нравѣмъ вредили успѣху нравнаго дѣла. Замѣтивши, онъ утѣрала, что Ломоносовъ *портитъ языкъ*, извѣщая иностранцамъ слова Русскіе, *лучше извѣстными и подылыми*, почему и называть себя профессоромъ не *Грасно-рговіа*, какъ предлагалъ Ломоносовъ, но *Эдвендици*... Въ отношеніи къ высокимъ, Тредьяковскій являлся совершенно противоположною пылкому Ломоносову, которой сѣмю писалъ своему начальнику, чтобы ожидать «отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія». Бездарность Секретаря Академіи, Тредьяковскаго, соединена была еще съ низостью, готовностью вытерпѣть все. Когда готовился къ шутовой сатирѣ въ «Ледяномъ домѣ», Кабинетъ-министръ, Артемій Петровичъ Волыинскій посылалъ кадету Криницкому за Василіемъ Кирилловичемъ, которому хотѣли заказать стихи на свадьбу. Это было 4 Февраля 1789 г. Дорогою, кадетъ поссорился съ Тредьяковскимъ и пожаловался на него Кабинетъ-министру. Что же сдѣлать Волыинскій, пусть расскажетъ самъ Василій Кирилловичъ (Москвит. 1845, № 2, гл. IV, стр. 43-46): «Его Превосходительство началъ бить меня по обѣимъ щекамъ, правое ухо оглушило, а лѣвый глазъ подбѣгло, что изволилъ чинить въ три или четыре пріема; потомъ свелъ и оному кадету бить меня по обѣимъ щекамъ публично». Василій Кирилловичъ вытерпѣлъ все, и только на другой день пошелъ къ Бирону свѣдѣть къ ногамъ Его Величества. На бѣду несчастнаго стиходѣя, къ Бирону съ дѣлами явился тогда же и Волыинскій. Онъ входитъ въ переднюю, а тамъ стоить «краснаго слога боравый пивецъ»... Артемій Петровичъ накорячилъ друга плечами, сикотомала въ шею и поручилъ одному есражанту отвезти злополучнаго шута на маскарадную комиссію, а тамъ снялъ съ него плагу и приказалъ ваять ему 70 палокъ по голой спинѣ; потомъ, шутовласторенный кажинъ-то отлитою Василія Кирилловича, велѣлъ завязать ему еще 50 палокъ. Секретарь Академіи посылалъ подъ карауломъ, «сверда на шустъ стихи, хотя уже и не до стиховъ было, чтобы оные прочесть въ потѣнной записи. После воора злого, уже на третій день, отпустила его изъ-подъ паравла, Волыинскій далъ ему на прощанье еще съ десотомъ удара». . . Гверецъ Тилсмакиды сносъ и это; уже въ Апрель, герцогъ Биронъ связалъ, между прочимъ, въ своей жалобной челобитвой Императрицѣ, что Волыинскій «не устыжился недавно *обружати* небожамъ извогораго Секретаря Академіи Тредьяковскаго, въ его *сердочности* *пожелати* и тѣмъ оказалъ неуваженіе къ Государыни, и ему, владычельному Герцогу, напѣвъ чувствительную обиду, уже извѣстную и при иностранцахъ дворахъ. И такъ Биронъ хлопоталъ совсѣмъ не о Тредьяковскомъ, а о

для саморазвития нации: учителями, потому что тогда оставались из подражателей, учениками; а Ломоносов — ата душа пылкая, благородная, открытая, врожденная Русского характера и Русской даровитости, опосредованности ко всему и на все — Ломоносов, живое недовольство посредственностью и стремление к лучшему, следственно к преобразованию, к новым опытам — разумеется, стал предметом ненависти одних и зависти других. «Не было оспоривать», пишет А. Ф. Вельтман, «что при начале учреждения Академии Наук в России необходимо было дать ученым людям, вышесредним по а) правннц, преимуществу, выгоды и даже право распорядительности. Петръ Великий основал деятельность Академии на людях, которыхъ память члгитъ Россіи. Но послѣ Петра Великаго, новый комплектъ закладъ Академіи, точно также, какъ Дидона землю туземцевъ Африканскихъ, и сталъ истреблять исажденія великаго образователя; следовательно, постоянныя негодованія и жалобы Ломоносова на злоупотребленія — справедливы, и мы можемъ считать его Русскимъ отводомъ противъ тогдашнихъ европейскихъ тучъ. За него, какъ за человека съ сильной душою, готовою ко самопожертвованію, загорѣлись многие. Одаренный могучею умственною деятельностью и проникнутый любовью къ Отечеству, онъ уважалъ всѣхъ истинно просвѣщенныхъ, но ненавидѣлъ ученыхъ педантовъ, арендаторовъ науки и ученаго званія: сталъ невольнымъ представителемъ борьбы за заштъ Петра и за самостоятельность Русскую... но повсюду видна (у него) главная цѣль: восстановление Академіи для пользы Отечества и Русскаго юношества, которую предназначилъ Петръ Великій (1725)».

Дѣйствительно, когда состоялось Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи и исправленіи законовъ, и въ томъ

себѣ — «нѣкотораго секретаря пожалуй можно и «обругать побольше», только не въ герцогскихъ покояхъ... Между тѣмъ, расположеніе Анны Ивановны, поколебленное Вольтинскимъ только на время, опять «свернуто» Бароу, когда онъ сталъ на колѣни передъ Императрицей, говоря: либо ему жить, либо мѣть... Съ 19-го Апрѣля, Вольтинскій былъ уже подъ карауломъ; тогда и Тредьяковскій отбранился и подалъ жалобу, прося удовлетворенія въ безчестіи и униженіи; имѣлъ назва. несчастной жертвы Баронова мздолюбія (27 Июня). Тредьяковскій подалъ новую жалобу и получилъ удовлетвореніе — ему выдали изъ имущества казеннаго, деньгами двойной окладъ жалованья, именно 720 рублей!

(*) Очерки Россіи, кн. II, стр. 48 — 49.

числѣ Академическаго Регламента, Ломоносовъ написалъ прозьбу преобразованія Академіи, въ которой представилъ ея тогдашнее состояніе, показывалъ причины ея упадка и средства — привести ее въ цвѣтущее положеніе. Въ «Приступленіи» онъ говорилъ: «сезоудѣлливый случай въ исправленію бѣднаго состоянія Академіи! Однако же ревнившееся и застарѣлое въ ней злосчастіе чинить препоны и саму великому матернему и божественному пошеченію и желанію Всемилостивѣйшаго Монархичнаго нашеня. Ибо все оное разсмотрѣніе пресѣклось коварными провѣсками и наглыми поступками, которыми самозванно сочинитель, а слѣдовательно и защититель оного регламента, старался отъ него отвести Высочайшій указъ Ея Величества, данный изъ Правительствующаго Сената о исправленіи законовъ. Стоя за пользу и важность высокопомянутаго указа, принужденъ я былъ претерпѣть *непривѣдное и несносное озораніе*... Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріялъ я отдать отечеству *последнюю долю*; ибо ежели смѣю ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что вътъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія Великіа нашеня Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали *въ Отечество*.—Симъ предпріятіемъ побуждаю на себя безъ сомнѣнія *нѣкоторыхъ* негодованія, которыхъ по силѣ доброжелательство прежнее чувствительно; однако *свѣсть и должность* оного *несравнено сильнѣе*. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно ужезаблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, вѣдая *другихъ Академій* поведеніе, видя *великій упадокъ и бѣдное состояніе* здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ Регламентѣ и *безполезную трату* таковой казны, не представлять по своей должности. Что отвѣтствовать? развѣ что я болѣе руки сильныхъ? Но я и живота своего не жагѣть въ случаѣ—клятвою предъ Богомъ обѣщался. И такъ, ежели смѣю истинной своей ревности не удовольствую, и можетъ быть *себя опасности подвергну*, однако *присяжную* должность исполню» (12).

Такимъ образомъ, гоненіе и преслѣдованіе съ одной стороны, чувство собственной правоты но безсилія — съ другой, разжигали волненіе умовъ. «Вражды, несогласія, взаимныя противорѣчія были ужасны», пишетъ А. Э. Вельт-

(12) Очерки Россіи, кн. II, стр. 95 — 94.